

ПОДСОЛНУХИ

МАРИНА ПОЧУФАРОВА
Родилась в г. Новосибирске, по образованию инженер-строитель. Сейчас райтер и редактор литературного агентства. С 2020 года пишет рассказы и детские повести,

учится на писательско-редакторских курсах BAND, CWS, академии «Энсмо». Несколько рассказов опубликованы в сборниках издательств «Анвилегия-М» и «ВВерх!».

В шкафу болтались голые вешалки. Большой желтый чемодан исчез. Возникшая в комнате пустота свернулась в холодный шар и комом встала в горле, ныла, давила, не давала дышать. Леся предупреждала и сдержала слово. А я думал, куда она денется. Она же меня любит.

Леся незаметно стала частью моей жизни. Сколько мы вместе? Три года, а кажется, что всю жизнь. Я обернулся, и мне показалось, что Леся сидит, как обычно, с книжкой в кресле. Моя старая клетчатая рубашка, волосы небрежно собраны в пучок, на ногах толстые вязаные носки со снежинками. Такая домашняя и уютная. Она не могла уйти, я же так сильно ее люблю.

На кухонном столе в стеклянной бутылке из-под молока торчали три подсолнуха. Три желтые головки на толстых стеблях обрамляла увядшая зелень. Рядом лежали два бумажных прямоугольника. Я дрожащими руками развернул один – сложенный пополам тетрадный листок, – прочел знакомый почерк: «Хватит себя жалеть! Поверь, у всех бывают черные полосы, рушится бизнес, увольняют с работы. Прошло уже полгода, а ты ничего не собираешься менять. Пойми, я не хочу смотреть, как ты превращаешься в неудачника. Прости».

Я стукнул по столу. Удар обжег руку. На секунду заглушил ноющую пустоту внутри. Досадливо смахнул бутылку с подсолнухами на пол. Она со

звоном рассыпалась по плиточному полу, оставив желтые головки лежать в луже. Потом схватил телефон и набрал номер. Длинные гудки сменились короткими. Посмотрел второй листок: «Выставка современного искусства». Это она намекает на мою нереализованную страсть к фотографии? Сердце застучало чаще, отдавая в ушах: «Неудачник, неудачник». Смятый билет полетел к подсолнухам. Раздался грохот опрокинутого стула. Мне нужно на воздух.

«Говорят, всегда так, если наступила черная полоса, готовься: она катком размажет по асфальту. Уволили с работы, ушла девушка. Я что, специально работу бросил? Ищу, стараюсь», – бормотал я под чавканье шагов по мокрому асфальту. Крапал дождь. Холодные капли, словно слезы, катились по щекам. Везде мерещилось ее лицо: в черных лужах, в витринах. Она то смеялась, то смотрела с укоризной, но янтарные глаза все равно улыбались.

Мимо прошла девушка в длинном светлом плаще. Она ступала мягко, словно невесомая. Походка, тонкие щиколотки и плащ – все как у Леси. Я кинулся вслед за девушкой. Догнал, убедился, что это не Леся. Неловко извинился и пошел дальше.

Решил пойти в бар: погреюсь, напьюсь. Классика жанра. Что делать брошенному мужчине в пятницу вечером?

На глаза попала реклама: «Выставка современного искусства». Та самая, здесь за углом. «Схожу, – решил я. – Бар никуда не денется».

Может быть, Леся что-то хотела этим сказать? Или на выставке спрятан знак? Жаль, билет дома остался, но в конце концов, я его и купить могу.

Я протянул мокрую куртку гардеробщице. Она равнодушно стряхнула воду, поморщилась и повесила рядом с чужими зонтами. Меня ждала череда залов, увешанных фотографиями и картинами, и надежда разгадать послание, которое мне оставила Леся.

В первом зале людей не было. На неоштукатуренных кирпичных стенах висели странные картины. Подписи к ним гласили, что это морские пейзажи. Художник – маринист-авангардист представил водную стихию в виде пересекающихся ромбов.

В следующем зале черно-белые фотопортреты одной и той же немолодой женщины оттеняли белые неровные стены. Пахло свежей побелкой, и, действительно, в углу стояло ведро с известью. Леся намекала, что я должен побольше ее фотографировать? Но художественной ценности в этих работах не наблюдалось. Слишком постановочные кадры, слишком напряженно-неестественные позы.

Очередной зал я прошел с недоумением. Картофельные и свекольные очистки вдохновили кого-то на десяток натюрмортов и скульптур. Мне даже показалось, что здесь витают ароматы борща.

В четвертом зале было оживленно: все посетители собрались здесь. Я замер. Со всех стен на меня смотрели подсолнухи. От обилия оттенков желтого помещение казалось залитым солнцем. Чудак-художник старался переплюнуть Ван Гога. Я медленно переходил от картины к картине, на втором круге начал видеть в подсолнухах лица, замечать разное настроение. Что-то в них все же было. Живое и настоящее. Ком покинул горло, и стало легче дышать. Но послание разгадать не удавалось. Я слишком депрессивный последнее время? Или в наших отношениях не хватает света?

Ко мне подошла невысокая девушка в белой футболке и джинсах. Протянула черную брошюрку. – Если будут вопросы, я с удовольствием отвечу. – Она деликатно отошла в сторону и с интересом наблюдала за моей реакцией.

Раньше я бы пожал плечами и пошел дальше, но сегодня мне нужно было расшифровать Лесино послание, поэтому я развернул брошюрку: «Художника, который нарисовал все эти прекрасные на-

тюрморты, зовут Марк. Ему всего десять лет. Этой информации уже достаточно, чтобы вызвать ваше удивление. Маленькому мастеру срочно требуется операция на глаза в швейцарской клинике. Марк слеп от рождения...»

Я перевел взгляд на картины, и они окончательно перестали казаться банальными. В мире этого мальчика так не хватало солнечного света, что он решил создать его сам.

Видя мою растерянность, девушка в белой футболке улыбнулась. Подошла и вежливо спросила: – Поможете? Любую сумму на счет – или купите картину. Осталось, по-моему, три.

Только сейчас я разглядел таблички под рамами – сейчас я не мог себе позволить такую покупку. Поэтому я перевел посильную сумму на счет маленького любителя подсолнухов и вышел в дождливый пятничный вечер.

В бар уже не хотелось. Я вернулся домой, нашел пустую молочную бутылку. Поставил едва живые подсолнухи в воду и позвонил Лесе.

– Сходил? – спросил меня любимый голос. – Да, – сдерживая радость, ответил я. – Кажется, разобрал твое послание. Только непонятно, как он все это делает?

Леся засмеялась:

– Понимаешь, он так хотел рисовать, хотя даже не знал, что это такое. Я прочитала. Он трогает предметы, изучает. Делает выпуклую разметку на холсте. Представляешь, краски различает по запаху и консистенции, даже оттенки. Еще неделю назад пыталась тебе рассказать про этого мальчика, но ты лежал на диване и смотрел в потолок. А у него нет возможности разглядывать потолок, но он почти заработал себе на дорогую операцию.

Я слушал голос и представлял, как блестят сейчас ее глаза, как она размахивает рукой, а потом смешно трет нос. Мой любимый курносый нос. Потом я посмотрел на подсолнухи и понял, что черной полосы нет. И не было.

